

М. ЛЬВОВ

Первые шаги Колыванского монетного двора

— Знаете, у меня в коллекции уже штук тридцать демидовских монет! — похвастался собиратель изичивающих.

— Каких «демидовских»? — не понял я.

— Да обыкновенных, с собольем! Ну уж они не видны?..

Здесь я догадался, что речь идет о так называемых «сибирских монетах». Было ясно, что мифологические представления моего собеседника находятоя на уровне легенд о предприимчивых промышленниках Демидовых, будто бы организовавших собственную чеканку монеты в потайных подвалах своих домов. И тогда у меня возникла мысль написать эту небольшую статью.

...К середине XVIII века Уралом и Сибирь были для русских людей уже хорошо обжитыми краями. Вокруг древних острогов разрастались города; по берегам полноводных рек раскинулись селения; появились первые ростки горнодобывающей промышленности, и к традиционным статьям сибирского экспорта — пушине и «рыбьему зубу» — прибавился металл. А обилие, следовавшее через Камский Полюс на восток, тоже металла — деньги: разрастающийся край требовал их с каждым годом всё больше. Перевозка денег, особенно тяжелых металлов, обходилась недешево. Выгоднее было построить монетный двор непосредственно в Сибири.

Идея постройки такого двора родилась в 1763 г.

Новый монетный двор должен был чеканить медную монету из металла, выплавленного на Колыванских заводах (Алтай). В колыванской меди содержались

Рис. 1. Ранний (1786—1787 гг.) и поздний (1787—1791 гг.) типы сибирских монет. А — лицевая сторона гривенника раннего типа; Б — лицевая сторона гривенника позднего типа; В — оборотная сторона гривенников обоих типов.

значительные примеси серебра и даже — в небольших количествах — золота, поэтому из пуда металла предполагалось чеканить монеты на 40 рублей (общегосударственная монета чеканилась в то время на расчёта 16 руб. на пуд меди). Но этот проект не был претворён в жизнь. Член Бергколлегии Шлаттер предложил правительству «Империку» о чеканке новой монеты, которая по замыслу автора предназначалась только для Сибирской губернии и не должна была иметь хождения вне её. Для новой монеты Шлаттер предложил особый рисунок, чтобы её можно было легко отличить от общегосударственной, а также 25-рублёвую стопу (а не 40-рублёвую, как замечалось раньше, — видимо, потому, что в этом случае возникла бы опасность массовой подделки новых монет). Номиналы «сибирских монет» должны были быть теми же, что и общегосударственные (полупшка, денга, копейка, две копейки, пять копеек). Кроме того, предполагалось чеканить также и гривенники (последствия получения такого названия «барнаульцы»).

7 ноября 1783 г. последовал указ Екатерины II, утверждавший предложение Шлаттера, а 6 декабря того же года — указ о выпуске новой монеты.

Строительство монетного двора (в документах того времени он именовался Барнаульским или Нижне-Судным), а затем на нём выстроился — до 1830 г. — заводчик «Колыванский» началось в 1784 г. Очевидно, в этом же году предполагалось и начать чеканку, поскольку, согласно документам, на Санкт-Петербургском монетном дворе были изготовлены пробные сибирские монеты со штампом 1784 г. — образцы для Колыванского двора. Однако постройка затянулась, а в конце 1785 г. недостроенный двор сгорел. Только к сентябрю 1786 г. он был заново отстроен, и с конца этого месяца началась регулярная чеканка «сибирских монет».

По своему внешнему виду новые монеты, добросовестно, резко отличались от общегосударственных. На лицевой стороне (табл. 1) в обрамлении лавровой и пальмовой ветвей помещался вензель Екатерины II — буква «Е» с империальной римской двойкой (на общегосударственных монетах до 1797 г.) изображалась монограммой из переплетающихся букв «Е» и «Е» — т. е. «Императрица Екатерина»). На оборотной стороне был изображён (на монетах всех номиналов, кроме полупшки) герб Сибири — два соболя, держащие в передних лапах увеличенный коронный овалный щит с обозначением достоинства монеты; всю эту композицию охваты-

¹⁾ Екатерина умерла 6 ноября 1796 г., но монеты с её вензелем чеканились и в 1797 г.

А

Б

Рис. 2. Некоторые разновидности, не имеющие параллелей в подлинных монетах: А — пять копеек 1764 г.; Б — две копейки 1764 г.; В — полушка 1766 г.

В

вала круговая надпись «Сибирская монета». На полушках соболя отсутствовали, и поэтому помещались на картуше, окруженной той же надписью (илл. 2В).

В сибирской чеканке принято различать два типа: ранний (1766—1767 гг.) и поздний (1767—1781 гг.). В 1767 г. чеканились монеты обоих типов. На монетах раннего типа нет обозначения монетного двора (илл. 1А), лишь у двух, пяти- и десятикопеечников по гурту вытиснена выгнутая надпись «Колыванская монета». Монеты позднего типа имеют на лицевой стороне под вензелем буквы «КМ» (илл. 1В), расшифровывающиеся либо как сокращение упомянутой гуртовой надписи, либо же, по аналогии с производящей другой монетный двор, как «Колыванская монета». Гурт у монет позднего типа — специфический, «колыванский»: 1К 1 — копейка (вправо); часть пятаков и гривенников 1767 г. имеет гурт № 6 — копейка (влево).

Выпуск «сибирской монеты» всех номиналов продолжался до 1776 г. В следующем году чеканились только монеты достоинством в две, пять и десять копеек, а в 1781 г. — только десятикопеечники. В том же году Колыванский двор прекратил и выпуск монеты общегосударственного образца, которая также помещалась буквами «КМ», а в 1830—1847 гг. — буквами «СМ» («Сургутская монета»). В 1847 г. двор закрыт и более не восстанавливался.

«Сибирская монета» оставалась региональной до 30 июля 1802 г., когда был издан указ «О свободном обращении монеты сибирского чекана во всех губерниях». После этого более 30 лет «сибирские монеты» участвовали в денежном обращении страны наравне с общегосударственными, а с 1824 г. началось их постепенное изъятие. С начала 40-х годов XIX века, т. е. после реформы Канкрина, сибирские и другие таможенные монеты прежних образцов в платёжи уже не принимались.

До настоящего времени сохранилось много «сибирских монет», и они не являются редкостью, исключая монеты раннего типа, которые встречаются не часто.

Сохранились ли подлинники сибирские монеты со штампом 1764 г.? А. Ильин и Н. Толстой полагают, что они монеты (всех номиналов, кроме полушки) существуют¹⁾. В книге же «Монеты царствования Елизаветы II» (Спб., 1894 г.) говорится, что «таковых несомненно подлинных нам пока неизвестно».

Кто же прав?

Совершенно очевидно, что в книге А. Ильина и Н. Толстого речь может идти лишь о посланных из Петербурга в Колывань образцах. Между тем, по существо-

¹⁾ «Русские монеты, чеканенные с 1726 по 1801 г.». Спб., 1910 г.

Рис. 3. Серебряные сибирские монеты (новодель): А — двадцать копеек «шлаттерского» типа; Б — двадцать копеек, анверс которой отличается от анверса сибирских монет Колыванского двора.

вавшим тогда правилам, монеты-сталоны, приемышались на монетные дворы, прощеришались — возможно, для прикрепления к сопроводительным документам. На известных же сибирских монетах со штампом 1764 г. отверстие нет.

Нужно сказать, что все «сибирские монеты» были впоследствии дублированы новодельми, причём эта работа была проделана настолько усердно, что появились новодель и таких монет, которых никогда не существовало, например полушки 1760 г. (илл. 2Б). Поэтому правильнее предположить, что все дошедшие до нас «сибирские монеты» с датой 1764 г. и даже 1763 г. (в Государственном Эрмитаже хранятся уникальные экземпляры пятака и гривенника со штампом этого года) являются новодельми.

Сибирские новодель можно отличить от оригиналов буквально с первого взгляда: новодель чеканились из очищенной меди, а на них никогда не встречается характерного «золотистого» отлива, свойственного монетам Колыванского двора. Это примета тем более важна, что сибирские новодель чеканились штампельми, точно воспроизводящими подлинники (а то время как большинство новорезанных штампель медных монет XVIII века имеет подмёрзнутую резку отличия от подлинника).

Этот очерк был бы незакончен, если бы мы не упомянули о серебряных «сибирских монетах». Такие монеты, достоинством в 20, 15 и 10 копеек, встречаются только в виде новодель, очень редки и имеют два варианта — с портретом Екатерины II (илл. 3А) и с её вензелем (илл. 3Б). Последний тип, точно воспроизводящий рисунок лицевой стороны медных монет Колыванского двора, заставляет как будто бы предполагать, что эти монеты также имеют отношение к пренту Шлаттера.

А между тем это предположение было бы неверным. Да, серебряные сибирские монеты были изготовлены в виде образцов, приложенных к прентам Шлаттера, но эти пренты касались серебра, получаемого на Норчинских заводах, а не чистого серебра, которое заключалось в колыванской меди и извлекать которое rentибальне в то время ещё не умели. Шлаттер и предлагал наладить чеканку разменной серебряной монеты для Сибири в Норчинском или в Иркутске, а отнюдь не в Колывани. Кстати, Шлаттер представил только один вариант серебряных «сибирских монет» (с портретом императрицы); второй, с «колыванским» вензелем, появился, видимо, значительно позже, в пору увлечения новодельми. Сходство в рисунках медных и серебряных «сибирских монет» (герб Сибири) было понятно, как указание на общее место их чеканки. Но других монетных дворов, кроме Колыванского, в Сибири никогда не было, и потому являясь новодельми-гибриды, одна из сторон

